

Н. Е. Кабанова (Севастополь, Россия)
Севастопольский государственный университет

Элементы фантастики в романе К. Гамсуна «Мистерии» и повести С. Дельбланка «Примавера»

В статье на материале двух произведений скандинавских авторов: «Мистерии» норвежского классика Кнута Гамсуна и «Примавера» шведского писателя Свена Дельбланка, – предпринимается попытка выявления особенностей использования фантастического элемента в нефантастическом произведении.

Ключевые слова: Кнут Гамсун, Свен Дельбланк, скандинавская литература, мистика, фантастика

В настоящее время в критике и литературоведении существует множество трактовок понятия «фантастика» (вид литературы, наджанровое единство, художественная система), но основных значений можно выделить два: фантастика как жанр и фантастика как метод. В XX веке фантастический метод становится необычайно востребованным в литературе и активно используется авторами разных направлений и разных стран. Таким образом, наличие фантастического элемента в произведении не относит его автоматически к жанрам научной фантастики или фэнтези [4, с. 47]. В частности, заметное распространение в XX веке этот элемент получил в литературе модернизма (а впоследствии – и постмодернизма), где он использовался для решения широкого спектра художественных задач.

С начала XX века изолированная ранее скандинавская литература переживает «золотой век» и выходит на мировой уровень. Скандинавские писатели привносят в литературу религиозно-мистическое и мифологическое восприятие мира, национальный колорит, собственные философские концепции (например, Стриндберг), новый тип героя и др. Эти элементы сочетаются в их творчестве с общеевропейскими модернистскими тенденциями: отход от рационализма, преобладание индивидуального начала над общественным, глубокий анализ внутреннего мира человека (с уклоном в подсознательное) [7].

Роман Кнута Гамсуна «Мистерии» (1892) написан с субъективной позиции: главный герой Юхан Нильсен Нагель может рассматриваться до некоторой степени как *alter ego* автора. Внешние события романа вполне реалистичны: Нагель приезжает в заштатный городок, знакомится с его жителями; своей нестандартной внешностью, взглядами, поведением он нарушает их размеренную жизнь, влюбляется, страдает, а затем совершает самоубийство. Но то, как

подаются эти события, а также истории, вплетающиеся в повествование, и общая атмосфера тайны придают произведению фантастический, мистический характер. Цель автора – воссоздание и анализ иррационального сознания героя (в значительной степени – и своего собственного) [6, с. 21].

Повесть Свена Дельбланка «Примавера» (1973) была написана в качестве «передышки» во время работы над циклом реалистических произведений, известных под названием «сёрмландской хроники» [5, с. 8]. В «Примавере» необычайно силён гротеск, который создаёт контраст общему тону повествования о событиях, на первый взгляд вполне реалистических. Характерная черта всего творчества Дельбланка – отсутствие чёткой грани между реальным и нереальным. В основе романа лежит миф о племени детей Сиббе, на котором строится всё повествование.

Способы введения в текст фантастического элемента. В «Мистериях» Гамсун оформляет каждое значимое событие по определённой модели, используя которую он вводит читателя в заблуждение или заставляет угадывать и домысливать.

Образцами чистой фантастики на событийном уровне в «Мистериях» Гамсуна являются «вставные новеллы» (в тексте романа их 11). Все они представляют собой истории, когда-либо пережитые главным героем и рассказанные от его лица. Каждая из этих новелл не просто мистический эпизод из жизни героя, но и притча, имеющая тайный посыл. Например, история о встрече с женщиной-самоубийцей в Сан-Франциско – якобы предсказание смерти Нагеля. Собственно фантастическое начало более интенсивно проявляется с середины произведения: всё больше историй вплетается в повествование, отчётливее проступают связи между таинственными явлениями. Чем ближе к концу произведения, тем более драматическими становятся противоречия, действие ускоряется, становится более насыщенным и нереалистичным.

В «Примавере» Дельбланк играет с читателем, запутывает его. Незаметное предвосхищение дальнейших событий, едва уловимые намёки приносят загадочность в повествование. Например, герои мечтают, загадывают желания, которые в волшебную ночь исполняются; герои ощущают нереальность происходящего задолго до фантастических событий и т.д. Также в повести реальная история переплетается с выдуманной; реальная мифология и скандинавские легенды – с «авторской», выдуманной мифологией внутри изображаемой реальности; легенды переделываются, реальность и нереальность связываются в единое целое. Таким образом, автор заставляет читателя воспринять необыкновенные события как абсолютно реальные.

В повести Дельбланка, как упоминалось ранее, всё повествование строится на мифе о благословенном племени Сиббе. Сначала этот миф выступает как незаметный фон основного действия, затем автор вплетает его в мировую исто-

рию, в мифологию и делает реальностью в конце второй части. Этот миф является фантастикой «внутри произведения», для самих героев. В произведении две линии: «реалистическая» (хотя и нестандартная, даже экзотическая по изображаемому материалу) и «фантастическая». Реалистическими являются 1-я и 3-я части, создающие «рамку». Но уже в реалистическом повествовании отчетливы элементы, подводящие читателя к фантастическому развитию действия (очень явный авторский гротеск, специфический набор персонажей-маргиналов, необычные сцены и истории – например, предсмертный танец зеленого дятла в парке, постоянное обращение рассказчика к истории и мифологии). «Собственно фантастическая» история связана с приездом героев в замок Чюলেখольм. Она начинается с того момента, когда гости выпивают священной медовухи (автор как будто предоставляет читателю выбор, считать ли всё дальнейшее пьяной галлюцинацией или действительными событиями). Затем следуют гротескные сцены, которые Эрик наблюдает как фильм – с то появляющимся, то исчезающим звуком («немые сцены»). Это оживший миф; общая мечта героев о лучшем мире сбывается, пусть и только на одну ночь.

Источники фантастического. В обоих исследуемых произведениях фантастическое/мистическое прослеживается на трёх уровнях: 1) авторская позиция (технические приёмы); 2) главный герой, являющийся носителем сверхъестественных черт, создаёт другую, свою реальность (Нагель и Примавера); 3) сюжет (собственно необыкновенные события). Основные источники фантастики в «Мистериях» – неизведанные лабиринты человеческой души (психология иррационального), воображение, ощущения, тайна жизни. В «Примавере» это мифология и искусство. Кроме того, в обоих произведениях есть другие источники фантастического элемента.

Символические детали. Рыжие волосы детей Сиббе («Примавера») и девушки из основной фантастической истории, произошедшей с Нагелем («Мистерии»). Действие в обоих произведениях захватывает Иванов день. Неожиданная тишина часто сопровождает странные события. И в том и в другом романе фигурирует осина; в «Примавере», кроме того, ещё и земляника, незабудки, первоцвет. Также упоминается дикая вишня в цвету – символ, появляющийся во многих произведениях Дельбланка как надежда на будущее, на возможность гармонии существования [3]. Помимо растительной интересна цветовая символика. В «Мистериях» доминирует красный цвет (крово-красный зонтик Дагни; красный свет на сцене; красные облака на закате), в «Примавере» – чёрный (чёрный кадиллак, чёрная вода, два чёрных солнца – умершие надежда и вера).

Религия. В обоих произведениях она является основой многих фантастических образов. Отношение к Богу и религии схоже у обоих главных героев (Нагеля и Эрика Алениуса). Они фантазируют на религиозные сюжеты, переделывают их, относятся к христианству и религии в целом с иронией (Алениус в

большой мере, чем Нагель). Но в Бога они верят, просто вера у них особенная, субъективная, связывающая в их воображении всё, что их окружает, в единое и живое: «...и господь бог сидит себе на небе и глядит вниз на тебя, на свою самую причудливую причуду. Го-го-го» («Мистерии») [1, с. 342]; «Кто хоть раз столкнулся с отверженными на автовокзале, тому довольно трудно вообразить себе господа бога иначе, чем столетним маразматиком в некой космической богадельне» («Примавера») [2, с. 361].

Фольклор. Само восприятие мира героями и описанные события в определённой мере сходны со сказочными. В «Мистериях» реальные жители городка образуют набор персонажей, свойственный норвежским сказкам и высмеивающийся в них: доктор, пастор, ленсман, фогт. В финале «Примаверы» главный герой получил то, чего желал (стал известным художником) – и ещё «золото» в придачу (полные карманы денег, непонятно откуда появившихся у Алениуса наутро после исхода детей Сиббе). Другое дело, что никакого счастья ему это не принесло.

Персонажи. В обоих произведениях фантастические персонажи – люди, но не совсем обычные (чувствуется влияние легенд и сказок); а в персонажах, на первый взгляд вполне реалистичных, зачастую обнаруживается двойственность или нечто необычное. В «Мистериях» это двойственность Дагни в отношении к Нагелю; тайные отношения Йетты Стенерсен и поверенного Рейнерта; мнимое неведение доктора Стенерсен об измене жены; двуличность Минутки. Фантастические персонажи изображены размыто, но всегда подчёркиваются их необычные черты: рыжая слепая девушка из башни в лесу и её отец-полуживотное с рыжей шерстью; монахиня с ярко-зелёными глазами. В «Примавере» мы видим компанию маргиналов, выпавших из «обычной жизни», «нормального общества». Но у каждого из них есть как бы «двойное дно»: Пентти – спившийся финн и герой Сопrotивления; Примавера – проститутка и высшее существо; Чюле – аристократ и обнищавший полусумасшедший.

Главные герои. Центральный персонаж «Мистерий», безусловно, Нагель. Но в «Примавере» ситуация не столь однозначна. Главным героем по значению и влиянию на события можно считать Примаверу, но автор не раскрывает её внутреннего мира, не показывает чувств и переживаний: она является больше «внеличной силой», чем персонажем-личностью. С другой стороны, Эрик Алениус – это рассказчик, читателю открыт его внутренний мир, все события связаны с ним. Поэтому при сопоставлении учитываются все три персонажа.

Нагель и Алениус: оба – аутсайдеры (Алениус сознательно «сошёл с поезда», Нагель не приемлет мещанского образа жизни, классического искусства, противоречит всему, что общепринято); обоим свойственно некоторое «шарлатанство», «шутовство» (Нагель постоянно рассказывает о себе небылицы, противоречит сам себе, клеветает на себя, Алениус продаёт подделки известных

картин); в обоих случаях автору очень близки взгляды героев, раскрывающиеся не только эксплицитно, но и имплицитно, на уровне языка (юмор, необычные стилистические средства); оба они притягивают необычное (странные события вокруг них, компания Алениуса); обоим свойственны творческое воображение, творческое восприятие мира, чувствительность.

Нагель и Примавера. Оба персонажа приносят в произведение фантастику. Без них события в произведениях были бы вполне реалистичными. Обоим присуща двойственность (у Примаверы более явная, у Нагеля скрытая), загадочность (мысли Примаверы не показываются, поведение Нагеля непонятно, его мотивы скрыты), иррациональность, сильное отличие от окружающих людей, стихийность (Примавера подана как воплощение «женской стихии», у Нагеля стихийность проявляется в поведении, сменах настроения), любовь к природе. Оба наделены необыкновенными чертами (внешность Нагеля, его сила и сверхчувствительность, его игра на скрипке; красота Примаверы, её голос). Сходна их роль в жизни других людей: оба выступают как таинственная рука, исполняющая желания; сходен и финал – добровольный уход из этого мира. Произведения построены одинаково по отношению к этим героям (активное развитие действия с их участием – необыкновенные события – смерть героев – эпилог, показывающий жизнь после них и без них).

Проблематика

Смерть. Атмосфера смерти ощущается отчётливо в обоих произведениях. Главные герои в конце концов погибают загадочным образом: Примавера и Нагель совершают самоубийство, но оно не совсем обычное. Их обоих подтолкнули к этому некие таинственные силы. В «Мистериях» вообще очень силен мотив самоубийства (четыре самоубийства в тексте романа), смерти как тайны. Но акцент делается именно на человеческой смерти, смерти отдельной личности. В «Примавере» смерть подаётся как часть жизненного цикла, как «единственно правильный выход»; акцентируется смерть не как исчезновение отдельного человека, а как самоуничтожение, вымирание, угасание и разложение всего вокруг.

Убежище. Между фантастическим и реальным миром в каждом из произведений есть «промежуточный» мир, в котором герой укрывается, спасается от действительности. В «Мистериях» для Нагеля таким местом становится природа, лес – там он переживает необычные ощущения, сталкивается с необъяснимым. Для Эрика в «Примавере» это Садовый тупик, где вдали от мира он может быть «настоящим», самим собой. Концепция такого убежища тесно связана с проблемой *маргинальности, аутсайдерства, ухода от мира* (отчасти сознательного) – как в личностном, так и в социальном аспекте. Так, в обоих произведениях рассматривается проблема финнов, живущих в других скандинавских странах: Швеции, Норвегии. Эти люди ощущают себя брошенными, ото-

рванными от корней, чужими. В обоих произведениях отчётливо ощущается антагонизм «совершенство природы – несовершенство общества» с явными отсылками к пантеизму и руссоизму.

Мистицизм в окружающей жизни прослеживается в обоих произведениях. В «Мистериях» народ очень суеверен. Восприятие у остальных людей пусть и не такое тонкое, как у Нагеля, но и они видят мир как загадку, для них существуют феи, эльфы, они предпочитают знахарство традиционной медицине; их сознание ещё отчасти мифологическое. В «Примавере», правда, показ мистицизма отчётливо окрашен иронией: «Духовидец – наш народный герой» [2, с. 365]. Явно видно, что к концу XX века интерес к потустороннему даже усилился, но это лишь пустая оболочка; тайна, загадка ушли из жизни большинства. В то же время вера подаётся как источник чудес. Причём не важно, во что именно верит человек; гораздо важнее, насколько это всерьёз.

Хотя творческая направленность Гамсуна и Дельбланка в целом очень отличается, оба они в своих произведениях используют ярко выраженный мистический фантастический элемент: часть невероятных событий объясняется рационально, но некоторое количество остаётся необъяснённым, вызывая сомнения у читателя. В «Мистериях» больше нераскрытых тайн, что отчасти создаёт перекличку с детективным жанром. В «Примавере» больше вмешательства сверхъестественных сил, следовательно, более силён элемент чудесного. И Кнут Гамсун, и Свен Дельбланк, вводя в свои произведения фантастический элемент, пользовались весьма сходными приёмами, а именно: мистическое фантастическое допущение; большой интерес к потустороннему миру; сверхчувствительность восприятия героев; сильное влияние мифологии на повествование; использование элемента народной сказки; ирония по отношению к религии; противопоставление природы городу; наличие гротескного (иногда жёсткого) юмора. Учитывая, что оба автора принадлежат к литературе разных скандинавских стран, а также разделены достаточной временной дистанцией (начало и конец XX века), можно предположить, что выявленные нами особенности окажутся характерными и для других представителей скандинавской литературы, использующих фантастический элемент в своём творчестве (в частности, в нефантастических произведениях). Это направление представляется нам перспективным для продолжения исследования.

Литература

1. Гамсун К. Мистерии // Гамсун К. Голод. Мистерии. Пан. Виктория: Романы. Мн.: Мастацкая літаратура, 1989. С. 151–374.
2. Дельбланк С. Примавера // Зарубежная повесть. 1973 – 1976. М.: Прогресс, 1987. С. 321–420.

3. Petherick Karin. Sven Delblanc [Электронный ресурс] // Aspects of Modern Swedish Literature. Norwich: Norvik Press, 1999. URL: <http://www.delblanc-sallskapet.se/about.html>

4. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М.: Дом интеллектуальной книги, 1997. 144 с.

5. Мацевич А. Свен Дельбланк // Дельбланк Свен. Река Памяти. М.: Радуга, 1987. С. 3–16.

6. Сучков Б. Кнут Гамсун // Гамсун К. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1991. С. 5–42.

7. Эспмарк Ч. Прорыв шведской литературы за рубеж [Электронный ресурс]. URL: <http://www.swedenclub.ru/show/article.php?id=8284>

УДК 82-3

Е. А. Казеева (Саранск, Россия)

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

Рассказ Л. Н. Андреева «Жили-были» в оценке Н. К. Михайловского и Ф. Д. Крюкова (опыт сопоставительного анализа критических статей)

В статье представлен опыт сопоставительного анализа критических статей Н. К. Михайловского и Ф. Д. Крюкова, посвященных рассказу Л. Н. Андреева «Жили-были». Делается вывод о том, что Ф. Д. Крюков, готовя статью для гимназической аудитории, не столько стремился предложить собственную интерпретацию рассказа Л. Н. Андреева, сколько желал познакомить своих воспитанников с основными положениями статьи Н. К. Михайловского, привить им вкус к народнической критике.

Ключевые слова: критическая статья, Л. Н. Андреев, рассказ «Жили-были», Н. К. Михайловский, Ф. Д. Крюков

В данной работе представлен опыт сопоставительного анализа критических статей Н. К. Михайловского и Ф. Д. Крюкова, посвященных творчеству Л. Н. Андреева, в частности рассказу «Жили-были». Данное произведение традиционно считается одной из вершин раннего творчества писателя. Проблемы жизни и смерти, смысла человеческого бытия, счастья, поставленные Л. Н. Андреевым, не потеряли своей актуальности и в настоящее время. Рассказ, написанный в феврале 1901 года, когда автор проходил лечение от «нейрастении» в клинике доктора М. П. Черинова [1, с. 216; 283], был опубликован в марте того же года, в третьем номере журнала «Жизнь». М. Горький, прочитавший рукопись рассказа, в письме к Л. Н. Андрееву отметил: «А «Жили-были» – прекрасно!» [9, с. 85]. Позднее Л. Н. Толстой особо выделил этот рассказ среди других